

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ ЭМИЛЯ ДЮРКГЕЙМА

Подвойский Д.Г.*

Понятие социального факта

Социология как специфическая разновидность социальной теории своим возникновением обязана сциентистски-натуралистической методологической программе. Э. Дюркгейм не просто продолжает эту интеллектуальную традицию, но и стремится возвести ее аргументацию и притязания на качественно новый уровень. Его творческие усилия в этом направлении в значительной степени определялись общей ситуацией, сложившейся в методологии социально-гуманитарного знания на рубеже XIX–XX вв.

За исходную единицу социологического анализа Дюркгейм принимает понятие социального факта. Он дает следующее определение данного понятия: «Социальным фактом является всякий способ действий, устоявшийся или нет, способный оказывать на индивида внешнее принуждение; или иначе: распространенный на всем протяжении данного общества, имеющий в то же время свое собственное существование, независимое от его индивидуальных проявлений» [1, с. 421].

Нетрудно заметить, что в приведенном определении социальный факт наделается двумя атрибутивными характеристиками. Первая – это способность оказывать на человека принудительное воздействие, вторая – действительное существование, независимость от собственных индивидуальных проявлений. В сущности, именно в этой дефиниции заключено *profession de foi* всей дюркгеймовской социологии. В ней на самом деле выражена довольно простая

* Подвойский Денис Глебович, канд. философ. наук, доцент кафедры социологии Российского университета дружбы народов. E-mail: dpodvoiski@yandex.ru.

Настоящая статья представляет собой сокращенный вариант главы из готовящейся к изданию книги: Батыгин Г.С., Подвойский Д.Г. История социологии: Учебник для вузов. М.: Новый учебник, 2004. Книга написана при поддержке Национального фонда подготовки кадров – проект «Комплексное совершенствование форм и методов организации учебного процесса в рамках системы социологического образования»; Тех. задание № Е/А.22/00-1-129.

мысль: общество представляет собой объективный факт, некую данность, навязанную людям, обладающую реальной возможностью и силой воспроизводить себя вне и независимо от конкретных ситуационных изъятий их индивидуальной воли. Социальный факт живет своей «не вполне человеческой» жизнью в согласии со своими «не вполне человеческими» законами. В концепции Дюркгейма общество наделяется чертами над- или сверхиндивидуальной реальности. В своей назойливой фактичности общество мало чем отличается от природы – оно есть, оно существует вне нас, и мы не в силах противостоять ему в своем повседневном поведении и мыслях. Оно постоянно, ежеминутно и ежесекундно давит на нас – давит приблизительно в том же смысле, в каком атмосферный столб давил на влюбленного в Зою Синицкую Остапа Бендера. В большинстве случаев «нормальные», социализированные индивиды просто не замечают этого давления, однако на данном основании едва ли стоит сомневаться в самом его существовании.

Чтобы отбросить всякие сомнения на сей счет, можно провести нехитрый эмпирический или мысленный эксперимент. Попробуйте в типовой ситуации совершить некий нетиповой поступок, нарушить «правила игры». Скорее всего, реакция общества последует незамедлительно. Стоит только человеку возжелать пойти своим путем, вопреки обществу, по дороге, движение по которой не предусмотрено в масштабах социально структурированного пространства здесь и теперь существующего нормативного порядка, так тут же он начнет ощущать на себе пристальный и, скорее всего, не слишком дружелюбный взгляд со стороны своего окружения. Если же он и далее будет упорствовать в своем нежелании идти проторенными дорогами, то, по всей вероятности, ему придется испытать на себе всю мощь неудовольствия, на которую только будет способен «оскорбленный им» социальный факт. Проще говоря, в отношениях между человеком и обществом повсеместно действует знаменитый стоический принцип: послушного судьба (социальный факт) ведет, упрямого – тащит. Человек рождается – общество уже существует, человек умирает – общество остается. Общество сильнее индивида, сильнее каждого из нас; логика и механизмы его жизнеутверждения заключены в нем самом, а не в единицах, его составляющих.

Морфологические социальные факты и коллективные представления

Э. Дюркгейм выделяет две важнейшие разновидности социальных фактов. Таковы факты морфологические и факты, относящиеся к сфере коллективного сознания (последние он называет коллективными представлениями). К области социально-морфологических явлений ученый относит весь комплекс объективированных продуктов ассоциированной деятельности человеческого рода. Иначе говоря, речь в данном случае идет о структурно-вещественном компоненте социальной жизни. Сюда относятся, в частности, демографические параметры общества (рождаемость и смертность, половозрастная структура), миг-

рациональные потоки, процессы урбанизации и их последствия, территориальное распределение людских и материальных ресурсов, интенсивность социальных контактов и т.п.

Но общество существует не только вне, но и внутри нас. И это внутреннее, «духовное» измерение общества состоит из особого рода фактов – фактов ментально-психологических, которые Дюркгейм называет коллективными представлениями. «В любом обществе, – пишет он, – существует некоторое множество общих идей и чувств, которые передаются от поколения к поколению и обеспечивают одновременно единство и преемственность коллективной жизни. Таковы народные легенды, религиозные традиции, политические верования, язык и т.п. Все это явления психологического порядка, но они не относятся к индивидуальной психологии, поскольку выходят далеко за пределы индивида» [2, с. 190]. Они всегда существуют в конкретных индивидах, но эти самые индивиды никогда не являются их действительными создателями. Они присутствуют в сознании людей в интернализированном виде, поэтому люди считают их «своими» («своей собственностью», своим духовным достоянием). На самом же деле в роли их источника выступает общество как особая интерментальная среда жизни человека и человечества. Люди верят в Бога или богов, разделяют некие убеждения, у них есть определенное мировоззрение, формирующее их жизненную позицию, они высказывают те или иные суждения относительно тех или иных вопросов, имеют собственные политические взгляды, являются носителями определенного образа мыслей и чувств. Они воспроизводят в своем поведении конкретные обычаи и традиции. Однако они не являются свободными творцами упомянутых культурных форм. Индивидуальные новации в их производстве не играют почти никакой роли. В этом процессе и через этот процесс общество творит самое себя, оставляя за индивидом скромное право (и «привилегию») на реализацию и исполнение могущественной, онтологической суверенной общественной воли.

Правила наблюдения социальных фактов

Дюркгейму, бывшему по стилю своего мышления «завзятым рационалистом», как автору, работавшему в картезианско-кантианской манере, излагавшему свои идеи в жанре систематического трактата, представлялось совершенно очевидным, что определение предмета любой науки подразумевает в качестве необходимого к себе дополнения формулировку ряда методологических требований – требований, обеспечивающих соответствие конкретного исследовательского процесса предварительно определенному стандарту научности. Рассуждения Дюркгейма о такого рода «познавательных принципах» содержатся в его знаменитых «Правилах социологического метода». В этой работе описывается несколько разновидностей указанных методологических правил и, в частности, правила, относящиеся к наблюдению социальных фактов.

Основным императивом для ученого-социолога, приступающего к изучению некоего общественного явления или процесса, должно стать правило, гласящее: «социальные факты нужно рассматривать как вещи» [1, с. 421]. Разъясняя свою мысль, Дюркгейм пишет: «...социальные явления суть вещи, и о них нужно рассуждать как о вещах. Для того чтобы доказать это положение, не обязательно философствовать об их природе, разбирать их аналогии с явлениями низших миров. Достаточно указать, что для социолога они составляют единственное datum. Вещью же является все то, что дано, представлено или, точнее, навязано наблюдению. Рассуждать о явлениях как о вещах – значит рассуждать о них как о данных, составляющих отправной пункт науки. Социальные явления бесспорно обладают этим признаком» [1, с. 432].

Действительно, если социальные факты являются настоящими фактами, т.е. если они рассматриваются как существующие вне индивидуального сознания, то это означает, что они могут исследоваться так же, как явления природы, как некие данные нам в наблюдении эмпирические объекты. Все, что существует вне нас, в гносеологическом смысле может быть названо вещью, и это означает, что на данную вещь может быть направлен отвлеченный (этически и мировоззренчески индифферентный) исследовательский интерес познающего субъекта.

Правда, в исследовательской практике социальных наук процедура соблюдения обозначенного правила осложняется одним немаловажным обстоятельством: социолог сам является членом общества, т.е. частью того самого объекта, который ему предстоит изучать. Здесь субъект включен в объект, погружен в него. В связи с этим возникает естественный вопрос: способен ли социолог сохранить объективность собственного взгляда в процессе исследования общественно-исторических явлений (среди которых многие неизбежно будут задевать в том или ином, положительном или отрицательном смысле его человеческие чувства)? Про социолога, как и про всех прочих людей, живущих на земле, можно сказать *homo sum, humani nihil a me alienum puto*. Сможет ли социолог, изучающий общество, превратить свой разум в неприступную крепость для обуревающих его (как его собственных, так и посторонних) страстей и эмоций?

Дюркгейм, нимало не колеблясь, отвечает на эти вопросы утвердительно. Социолог по отношению к изучаемому им факту должен занять позицию, подобную позиции инопланетянина – смотреть на мир со стороны, не огорчаться, не радоваться, но объяснять течение событий в их законосообразной определенности. Для этого необходимо отвлечься от любых вненаучных соображений, отказаться от всевозможных апелляций типа *ad hominem*, внутренне преодолеть давление этики, идеологии, стереотипов обыденного сознания и прочих глашатаев разного рода «ненадежных истин». В своей исследовательской деятельности социолог обязан «систематически устранять все предположения... Нужно... чтобы социолог, и определяя предмет своих изысканий, и в ходе своих доказательств, категорически отказался от употребления таких понятий,

которые образовались вне науки, для потребностей, не имеющих ничего общего с наукой. Нужно, чтобы он освободился от этих ложных очевидностей, которые тяготеют над умом толпы, чтобы он поколебал раз и навсегда иго эмпирических категорий, которое привычка часто делает тираническим. И если все же иногда необходимость вынудит его прибегнуть к ним, то пусть, по крайней мере, он сделает это с сознанием их малой ценности, для того чтобы не отводить им в доктрине роли, которой они недостойны» [1, с. 435–436].

В начале исследования социальный факт должен представляться социологу как своего рода *terra incognita*. Данная точка зрения возникает как результат систематического элиминирования предпонятий. Тогда реальность факта предстанет перед нами в незамутненном виде – такой, какова она есть на самом деле. Лишь в случае принятия обозначенной позиции выводы, которые сделает социолог из своих наблюдений, будут удовлетворять требованиям подлинной научной объективности.

Социальные факты, в отличие от фактов, изучаемых в разных областях естествознания, являются фактами «по человечески значимыми» для социолога, как и для всех остальных людей. Но это обстоятельство, по мнению Дюркгейма, ровным счетом ничего не меняет в отношении исследователя-социолога к своему объекту. Эмпатия, интроспекция и прочие альтернативные естественнонаучной формы методологии – плохие помощники для социолога. Они «сбивают его с пути истинного», направляют его исследовательский поиск по тупиковому маршруту. Наука перестает быть наукой, подпадая под влияние чар субъективизма. От этого искушения, везде и всюду преследующего социолога, можно предохраниться одним единственным способом, а именно, как уже было сказано, рассматривать социальные факты как вещи. Метод естественных наук по сути своей универсален, и социология в ряду других эмпирических научных дисциплин в этом отношении не может и не должна быть исключением. У нас есть факты, данные нам в наблюдении. Они включены в определенные естественные причинно-следственные ряды, описание и теоретическая артикуляция которых собственно и является основной задачей ученого. Поэтому социолог по возможности стремится абстрагироваться от смысловой нагруженности собственного предмета, максимально сосредоточивая свое внимание на установлении объективных каузальных связей и зависимостей, характеризующих внутреннюю структуру изучаемого им сегмента эмпирической действительности.

Типы солидарности и разделение общественного труда

Дюркгейм был, конечно, не только методологом социологии, но и социологом в собственном смысле. В его работах мы находим постановку и разрешение значительного числа проблем, относящихся к содержательной составляющей общественно-научного знания. Так, свою докторскую диссертацию «О разделении общественного труда» французский ученый посвящает одной из ключе-

вых для новоевропейской традиции социальной теории тем – теме социального порядка и условий его поддержания и воспроизводства. Речь здесь идет о комплексе базовых теоретических вопросов, который получил впоследствии обобщающее наименование гоббсовской проблемы.

Как возможно общество? Почему люди, увлекаемые в своей жизни столь различными устремлениями и интересами, все же продолжают «жить вместе» и сотрудничать в рамках тех или иных форм ассоциации. Почему общества не распадаются на локальные и атомарные компоненты? Как поддерживается социальное единство в масштабах группы и общества в целом? В своей концепции разделения общественного труда Дюркгейм пытается ответить на все эти тесно связанные между собой вопросы. Ход его рассуждений (если рассматривать только уровень общей стратегии мысли) довольно прост и может быть легко реконструирован в нескольких последовательных формулировках.

Социальный порядок цементируется изнутри благодаря существованию межчеловеческой солидарности. Солидарность есть элементарное условие и предпосылка всякой социальной связи; узлы солидарности скрепляют социальные единства большого и малого объема, обеспечивая историческое воспроизводство их структур. Солидарность, по Дюркгейму, бывает двух видов – механическая и органическая. Эти типы солидарности в их отношении к востребуемым ими свойствам индивидов характеризуются автором разбираемой концепции следующим образом: «...Эта (механическая. – Д.П.) солидарность возрастает в обратном отношении к индивидуальности. В каждом из нас... есть два сознания: одно, общее нам со всей нашей группой, которое, следовательно, представляет собой не нас самих, а общество, живущее и действующее в нас; другое, наоборот, представляет собой то, что в нас есть личного и отличного, что делает из нас индивида. Солидарность, вытекающая из сходств, достигает своего максимума тогда, когда коллективное сознание точно покрывает все наше сознание и совпадает с ним во всех точках; но в этот момент наша индивидуальность равна нулю... Совсем иначе обстоит дело с солидарностью, производимой разделением труда (органической. – Д.П.). В то время как первая требует, чтобы индивиды походили друг на друга, последняя предполагает, что они друг от друга отличаются. Первая возможна лишь постольку, поскольку индивидуальная личность поглощена коллективной; вторая возможна только при условии, если всякий имеет свою собственную сферу действия, а следовательно, и личность» [1, с. 126–127].

Данный отрывок заключает в себе простую мысль: человеческие индивидуумы объединяются между собой, создают определенные формы ассоциации либо потому, что они походят друг на друга, либо потому, что они друг от друга отличаются. Иначе говоря, во вселенских масштабах социального космоса притягиваются друг к другу не только подобные, но и различные элементарные частицы. Механическая солидарность – более ранняя и более примитивная форма солидарности. Она основана на сходствах. Органическая солидарность порождается разделением труда (последний термин употребля-

ется Дюркгеймом в расширительном, не узко экономическом значении). Эта разновидность социальной солидарности появляется лишь в относительно развитых обществах и по ходу исторического развития все более вытесняет солидарность механическую. Социальные единства, основанные на сходствах, с течением времени уступают место социальным единствам, основанным на разнообразии. Органическая солидарность базируется на принципе комплиментарной связи, утверждающем приоритет отношений гармонической взаимодополнительности между частями в рамках некоего составного целого. Органическая солидарность порождает более прочные и устойчивые социальные образования, поскольку добровольное и сознательное «согласие разногласного» интегрирует общественную систему лучше, чем принудительное и искусственное «согласие однородного». Связь двух (и более) цивилизованных индивидов, вовлеченных в разные профессиональные сферы, организуемая в соответствии с принципом «я заинтересован в продуктах деятельности другого, он заинтересован в продуктах моей деятельности», есть связь более сильная и надежная, нежели связь двух (и более) самодостаточных в своей архаической «житийской универсальности» дикарей.

Органическая солидарность является более предпочтительной и более прогрессивной формой социальной связи, поскольку она способствует развитию индивидуальности, реализации творческих потенций человека как субъекта общественных отношений. Примитивные общества подавляли человеческую свободу, современные же общества, напротив, благоприятствуют всевозможным ее проявлениям. Каждый индивид реализует себя в современном обществе, утверждая свою принципиальную личностную самобытность через выбор определенной профессии, политических убеждений, мировоззрения, эстетических вкусов, формы проведения досуга и т.д. Современное общество оставляет за человеком право «быть непохожим на других». То есть речь здесь идет именно о социально санкционированной свободе – свободе благодаря обществу, а не вопреки ему.

Дюркгеймовское понятие «разделения труда» фактически имеет то же значение, что и (более употребляемое в социологической литературе) понятие социальной дифференциации. При этом ученый задается вопросом, почему в реальной эмпирической истории наблюдались и наблюдаются обозначенные процессы, откуда и при каких обстоятельствах появился сам прецедент органической солидарности, почему люди вдруг, ни с того ни с сего, стали развивать специализацию собственной деятельности. Дюркгейму нужно было найти какую-то значительную (непреренно объективную) причину, которая была бы способна объяснить указанную историческую тенденцию, причем причину именно социального происхождения. В данном пункте своих рассуждений Дюркгейм вводит вспомогательные понятия материальной и моральной плотности. Материальная плотность есть не что иное, как физическая плотность населения, характеристика количества индивидов, проживающих на определенной территории. Моральная же плотность есть «величина», фиксирующая

частоту и интенсивность социальных контактов, в которые вступают данные индивиды на данной территории.

Дюркгейм утверждает, что и материальная, и моральная плотность по ходу исторического развития обнаруживают тенденцию к росту. Это означает, что численность населения в очагах цивилизации растет, люди живут «кучнее», вступают во взаимодействие (в том числе и по поводу дефицитных ресурсов) чаще, потенциальное и актуальное конкурентное давление внутри общества усиливается, и как итог – люди сталкиваются с необходимостью выработки и освоения новой модели социальной адаптации. Борьба за место под солнцем на определенном этапе социальной эволюции приобретает качественно новую форму: чтобы выживать и преуспевать, нужно совершенствоваться в том или ином практическом искусстве, нужно научиться удовлетворять своей специализированной (профессиональной и т.п.) деятельностью ту или иную общественно значимую потребность. Конкуренция навыков и умений как принцип функционирования систем человеческого общежития берет верх над конкуренцией силы. От этой воображаемой точки, собственно, и берет свое начало историческая генеалогия феноменов разделения труда и органической солидарности.

Нормативный порядок и аномия

Как видно из предшествующего изложения, для Дюркгейма проблема поддержания и воспроизводства социального порядка отнюдь не сводилась к проблеме обеспечения принудительной гомогенизации составляющих общество индивидуальных человеческих единиц. Социальный порядок и развитая личность вовсе не являются какими-то смысловыми противоположностями, во всяком случае, если мы говорим о современных цивилизованных обществах. Реализация права и возможности индивидуального выбора обеспечивается фактом сильнейшей структурно-функциональной дифференцированности исторически развитых обществ.

Однако социальная гетерогенность может приносить достойные с точки зрения прогресса плоды, выступать в качестве силы созидания общественных форм только в том случае, если в масштабах общества в целом будет достигнут и гарантирован известный уровень социально-культурной интеграции. Социальное многоголосие должно образовывать симфонию, а не какофонию. Сложно дифференцированные общества так же, как и общества примитивные (а может быть, даже в большей степени), нуждаются во внутреннем ценностно-нормативном консенсусе, который поддерживался бы через посредство воспроизводства особых (социально регламентированных) форм поведенческой активности индивидов. В обществе должны существовать и действовать определенные правила игры. Эти правила могут быть как формальными (кодексы юридических законов), так и неформальными (мораль, обычаи, традиции, этикет). И в том, и в другом случае общество устанавливает определенный обра-

зец, позитивная ориентация на который вменяется в обязанность индивиду. Поведенческий стандарт воспроизводится в поступках, ментальный – в сознании. В результате нормативный порядок функционирует как своего рода отлаженный механизм, что позволяет обществу сохранять единство собственных структур и компонентов в каждый конкретный момент его истории.

Но может иметь место и иная ситуация – ситуация, характеризующаяся хроническим дефицитом социальной солидарности. Если в обществе нормативный порядок по тем или иным причинам разрушается (или, по меньшей мере, вступает в полосу кризиса), то тогда социальная система погружается в особое патологическое состояние. Такое состояние Дюркгейм называет аномией.

Общество в состоянии аномии – это общество без правил. В данном обществе люди утрачивают веру в истинность традиционных этических и мировоззренческих доктрин, пренебрегают представлениями о должном поведении, нарушают нравственные и юридические предписания, теряют ощущение естественности уз социальной солидарности и вместе с этим ощущением – смысл жизни и «самих себя». Подобное состояние ценностно-нормативного вакуума сказывается крайне негативно на моральном и физическом здоровье людей. Крах систем традиционных социальных и политических институтов, утрата господствовавших некогда в течение длительных исторических периодов и утверждавших в обозначенное время свою исключительную культурную значимость моделей миропонимания и комплексов коллективных верований – все это симптомы глобального социального недуга, который может и должен быть преодолен обществом (не без участия в необходимом в данной ситуации процессе «социального врачевания» морально ответственной и компетентной социологической экспертизы).

Однако в любом случае следует иметь в виду, полагает Дюркгейм, что именно социальный порядок (а не аномия) характеризует нормальное состояние общественного организма. Аномия же по сути своей есть лишь преходящая патология общества. Болезнь общества не может обернуться для него летальным исходом, ибо общество обладает завидным качеством физического бессмертия. Поэтому-то подобная болезнь рано или поздно заканчивается, причем заканчивается выздоровлением.

Социологическое исследование феномена самоубийства.

Типы самоубийств

Социологический этюд «Самоубийство» среди прочих произведений Дюркгейма занимает смысловую нишу, в общих чертах сходную с той, которую занимает в ряду работ М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма». И в том, и в другом случае мы имеем дело как бы с эмпирическим исследованием, однако с таким, значение которого по многим параметрам «перевешивает» значение работ, посвященных собственно теоретико-методологической

проблематике. В этих исследованиях содержится опыт «верифицирующего тестирования» фундаментальных методологических концепций, созданных упомянутыми теоретиками. Так, на примере «Протестантской этики...» Вебер демонстрирует работоспособность собственного проекта «понимающей социологии». Дюркгейм же в своем «Самоубийстве» иллюстрирует действенность и эвристическую продуктивность своей концепции социологизма.

Дюркгейм проблематизирует тему самоубийства в точном соответствии со своими теоретическими установками. Люди совершали самоубийства всегда: они делали это в прошлом, делают в настоящем и будут продолжать делать в будущем. Известный процент смертных случаев, наступающих вследствие суицидальных актов, имеет место в любом обществе. Этот процент (с незначительными колебаниями относительно его среднего значения) можно рассматривать как некую константу, являющуюся характеристикой нормального состояния социальной системы. В свою очередь в качестве патологического будет рассматриваться лишь отклонение (причем существенное) от такой эмпирически устанавливаемой нормы. Но как бы то ни было, частота совершения самоубийств всегда и всюду представляет собой именно характеристику общества (а не отдельных личностей), поэтому-то она может и должна быть исследуема как некий специфический социальный факт.

Основная гипотеза, выдвигаемая Дюркгеймом в разбираемом исследовании, может быть сформулирована так: акты самоубийства всегда совершают конкретные индивиды, однако причины большинства из этих самоубийств заключены не в них самих, а в обществе, членами которого они являются. Иначе говоря, самоубийство может быть определено как убийство обществом некоторых своих членов их же собственными руками. Почему, как, при каких обстоятельствах? На эти вопросы социолог пытается найти удовлетворяющие его ответы.

В данном проблемном контексте (так же, как и в других сферах) точка зрения Дюркгейма сталкивалась с точкой зрения индивидуалистического психологизма. И здесь Дюркгейм, увлекаемый стремлением доказать научному сообществу правоту своей теоретической позиции, решительно ввязывается в бой. Прежде чем перейти к конкретно-содержательной верификации тезиса о том, что самоубийство есть социальный факт, он принимается за предварительную «расчистку» интеллектуального пространства избранной темы. В процессе такой «расчистки» Дюркгейм последовательно элиминирует доводы своих идейных противников, указывающих на несоциальный характер феномена самоубийства.

Комплекс природно-географических условий, биологические и физиологические особенности организма, наконец, специфика психологии индивида – все эти факторы, по мнению Дюркгейма, не объясняют большинства совершающихся в обществе самоубийств. Их влияние не является универсальным и однозначно определенным по своей направленности. В некоторых случаях

можно говорить об их косвенном, неавтономном воздействии, поэтому часто мы сталкиваемся с ситуацией, когда некоему фактору (в его влиянии на совершение самоубийства) приписывается исключительное значение, в то время как в действительности имеет место влияние промежуточное и второстепенное, либо таковое вовсе отсутствует.

С психологией индивида как с «фактором» Дюркгейму приходится разбираться особо. И действительно, едва ли подлежит сомнению тот факт, что человек, покушающийся на самоубийство, в момент совершения суицидального акта и какое-то время до этого должен, по всей вероятности, находиться в состоянии глубочайшей депрессии, при этом его переживания в целом могут быть квалифицированы как сильно отклоняющиеся от того, что принято называть нормой психического самочувствия. Однако все это, по мнению Дюркгейма, не меняет дела. Психическое состояние в большинстве случаев не может рассматриваться в качестве истинной, автономной причины самоубийства. Дело в том, что именно в большинстве случаев за этим психическим состоянием скрывается определенное социальное влияние, собственно и порождающее указанное состояние. Неврастеники и душевнобольные люди, конечно, оказываются более предрасположенными к совершению самоубийства в сравнении с психически здоровыми индивидами. Однако из этого вовсе не следует, что самоубийство как массовое явление может быть описываемо и объясняемо исключительно при посредстве терминов психопатологии. Ведь подавляющее большинство самоубийств совершается психически здоровыми людьми. В целом же представляется очевидным, что психологический компонент детерминации, присутствующий в той или иной мере во всяком самоубийстве, все же не может приниматься за точку отсчета в процессе изыскания подлинных причин указанного печального явления.

С точки зрения социолога, самоубийство совершает не человек как таковой, но человек как член общества (как представитель определенной социальной группы, как носитель определенных социально значимых качеств). Дюркгейм основательно изучил современную ему западноевропейскую статистику самоубийств и пришел к выводу, что частота совершения самоубийств в различных сегментах общества неодинакова. Групповые и социально-демографические характеристики четко коррелируют с данной частотой, уменьшая или увеличивая ее числовое значение. Так, например, мужчины совершают самоубийства чаще, чем женщины, протестанты чаще, чем католики, жители городов чаще, чем жители деревень, и т.д. О чем же свидетельствуют установленные эмпирические зависимости? – задается вопросом Дюркгейм. А ответ оказывается таким: каждая о своем, хотя во всех случаях явным образом обнаруживается влияние тех или иных объективных общественных условий.

Это общество подводит людей к роковой черте, это оно «вынуждает» их расставаться с жизнью. Конкретные же причины могут быть разными. И здесь Дюркгейм, реагируя на указанное обстоятельство, вводит свою типологию суицидальных поступков. Он выделяет четыре разновидности самоубийств:

эгоистическое, аномическое, альтруистическое и фаталистическое. Причем его внимание к перечисленным типам распределяется неравномерно: так, первые два из названных типов притягивают его исследовательский интерес в гораздо большей степени, чем третий и четвертый.

Эгоистическое и аномическое самоубийство суть формы самоубийства специфически современного типа, мало знакомые людям традиционных эпох. Эти формы порождаются «недостатком социальности» и распространяются преимущественно в тех социальных средах, где влияние общества на индивида довольно слабое. Эгоистическое самоубийство есть самоубийство «особи, отбившейся от стада». Оставленность обществом воспринимается человеком как богооставленность. Индивид утрачивает связь со своим ближним и дальним кругом, разочаровывается в жизни, теряет смысл собственного существования. Он остается наедине с самим собой, и уже ничто не удерживает его в этом мире.

Человек есть социальное существо, он не может жить сам по себе и для одного себя. Что-то должно наполнять его жизнь смыслом, и этот смысл для абсолютного большинства людей заключен не в них самих, а где-то вовне. Семейный очаг, дружеская компания, церковная или соседская община, профессиональное community, клубы единомышленников – только в этих или подобных им средах может протекать жизнь «нормального» социализированного индивида. Разрыв невидимых нитей солидарности, связывающих человека с группой, как правило, переживается им как моральная катастрофа. Последняя же в отдельных случаях оборачивается катастрофой физической, когда человек не находит никакого разумного выхода из сложившейся критической ситуации и принимает сознательное решение свести счеты с окончательно опротивевшей ему жизнью.

Таким образом, в отношении эгоистических самоубийств может быть установлена следующая закономерность: их число тем больше, чем меньше степень вовлеченности индивида в тот или иной коллектив, т. е. их количество находится в обратно пропорциональной зависимости от степени интегрированности группы.

Аномическое самоубийство отличается от эгоистического по ряду признаков. Здесь также имеет место утрата связи с обществом, но не вследствие того, что общество отворачивается от индивида (или наоборот), а вследствие того, что общество как бы прекращает свое существование (и не только для данного индивида, но и для всех индивидов, в нем живущих). Общество, находящееся в состоянии аномии, не способно предложить индивиду устойчивую систему жизненной ориентации. Правовые установления теряют свою силу, нормы морали релятивизируются. Человек утрачивает понимание того, как себя следует вести в конкретных ситуациях, во что следует верить, к каким целям стремиться. Устоявшиеся системы статусной иерархии разрушаются: чье-то социальное положение резко ухудшается, чье-то, напротив, улучшается. Старый социаль-

ный опыт в новых условиях оказывается неприменимым. Некоторые не выдерживают такого удара судьбы, кто-то предпочитает такой жизни смерть.

Два других типа самоубийства суть полная противоположность описанным выше. Они являются производными не от недостатка, но от избытка социальности. Порой общество слишком сильно давит на индивида, навязывая ему свою волю. Оно жестко регламентирует распорядок жизни человека, расписывая буквально каждый его шаг. За любым мало-мальским отклонением от определенного обществом для каждого конкретного индивида курса незамедлительно следуют суровые негативные санкции. Совершенно естественно, что в такой ситуации некоторые «особо свободолюбивые» индивиды от чувства глубочайшей безысходности накладывают на себя руки. Такова этиология фаталистического типа самоубийства.

И наконец, самоубийство альтруистическое представляет собой самоубийство, совершаемое во имя и во славу общества. Данный тип наиболее распространен в традиционных обществах, где ритуальное самоубийство и самоубийство с целью исполнения долга (сохранения чести) воспринимаются коллективным сознанием как добродетельные и поэтому вменяются в обязанность определенным категориям людей в определенных ситуациях.

Полученные Дюркгеймом в ходе исследования феномена самоубийства научные результаты вошли в золотой фонд мировой суицидологии. При этом основной его заслугой явилось то, что ему удалось показать (причем показать на конкретном примере), какое огромное влияние на индивидуальные судьбы людей оказывает «неуловимая» и вместе с тем «вездесущая» реальность социального факта.

Библиографический список

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. и послесл. А.Б. Гофмана. М.: Наука, 1991.
2. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., сост., послесл. и примеч. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1995.